

Век. клуб. - 2001
- 20 июля. - с/2

РАССТРЕЛ ПИАНИСТА

Сергей СИНЯКОВ

Сразу после выхода в издательстве «Захаров» «Любовника смерти» и «Любовницы смерти» столичные литературные критики набросились на Бориса Акунина с предельной, отчасти предосудительной страстью. С похожим энтузиазмом из меня как-то выбивали дух два дембеля в тамбуре электрички.

СВОЙ АКУНИН

Претензии разные. Как общечеловеческие, так и чисто литературные, по существу. Обозревателей раздражает то, что Григорий Чхартишвили, умница, интеллектуал и востоковед, вдруг сделался светским персонажем. Не оправдал ожиданий. То есть когда Акунин появлялся на богемных вечеринках в «ОГИ», это было естественно и нормально. А когда он участвует в жюри «Кинотавра» и перед объективами всех каналов поднимается по нарядно убранной фестивальной лестнице с красивой женой, это уже не есть хорошо. Хуже того, рассказывают, что когда Ширак приезжал в Москву, Путин устроил ему встречу с несколькими тщательно отфильтрованными деятелями отечественной культуры. В том числе и с Акуниным. Нет бы позвал Солженицына, Астафьева или какую другую совесть нации. Третий упрек состоит в том, что экранизируется сразу два его романа, причем «Статского советника» будет снимать Никита Михалков. Потому что тот Акунин, которым его хотелось бы видеть, не должен иметь с Никитой Сергеевичем ничего общего. Не имеет морального права не то что работать над совместным проектом, но и здороваться. Недаром около года назад их достаточно безуспешно пытались сравнить в «Ласе народа». И, наконец, раздражает то, что последние два романа продаются на развалах по восемьдесят рублей за книж-

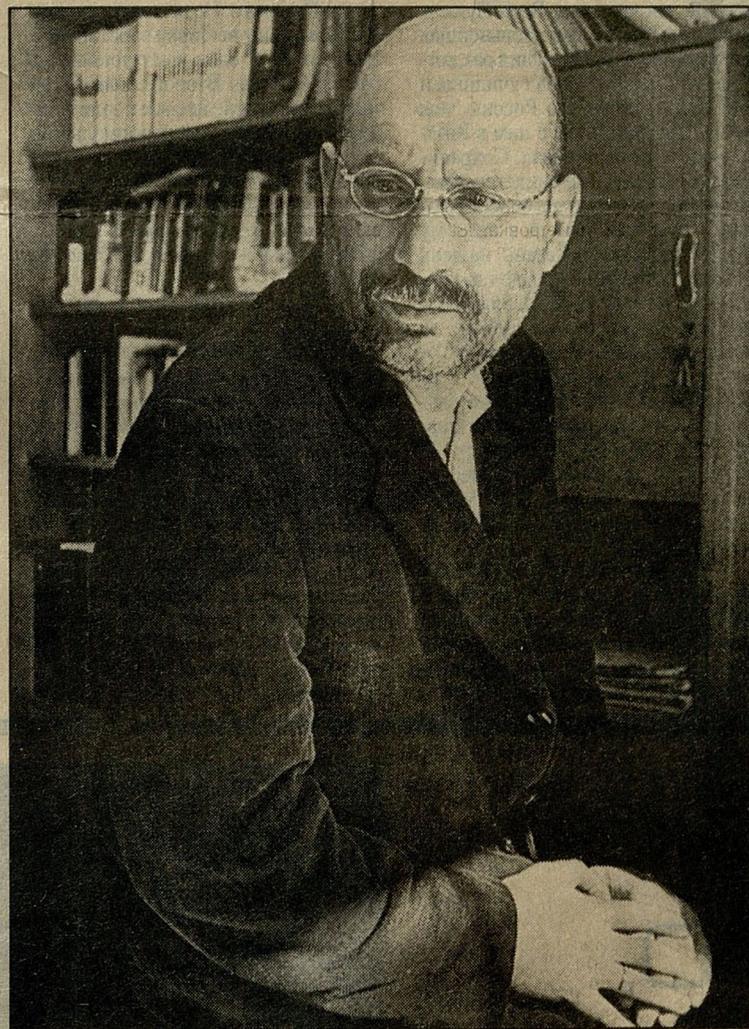
ку. Короче, скромнее надо быть, товарищ, наши люди на такси в булочную не ездят и т.д.

Во внедрении в бомонд действительно есть своя опасность, чреватая перегибами. Акунина не ругает, а напротив, любовно освещает всю его культурную и бытовую деятельность явно пропрезидентская в последнее время «Комсомолка». У «КП» Путин — свой президент, Бодров-младший — свой брат, Плисецкая — своя звезда, и Акунин имеет хорошие шансы появиться на рекламных плакатах в качестве своего писателя. На это он, впрочем, вряд ли пойдет, поскольку компания хоть и по-своему неплохая, но все же какая-то странная. А если бы даже и пошел, то ничего страшного. Не связанный обязательствами и клятвами на крови взрослый мужчина имеет право гулять где и с кем хочет.

Что касается Михалкова, то он действительно хороший режиссер. Что касается расценок на книжки, то ими занимается не автор, а издатель (о покупательной способности населения, к слову, говорят очень приличные цифры продаж). Кроме того, интересно посмотреть на критика, который не хотел бы сторговать себя подороже и считал гонорары, получаемые им за тексты, неоправданно высокими. Тем более, что тексты тех гонораров заслуживают.

ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ

Главная причина недовольства Акуниным с точки зрения собственно литературы та же, по которой последние два его романа могут не понравиться домохозяйке, чьи письменные упражнения после замужества связаны исключительно с кулинарными рецептами. Успевшие влюбиться в седые виски статного главного героя, обозреватели вслед за читательницей недоумевают по поводу того, что в новых книгах (книги все же признаются неплохими)

невозможно мало Фандорина. Действительно, в «Любовнице смерти» сама фамилия «Фандорин» упоминается то ли один, то ли два раза, а все повествование вращается вокруг юной провинци-

альной декадентки. Владелец импозантных седых висков возникает приблизительно на 40-й странице, да и то под творческим псевдонимом принца Гэндзи. В «Любовнице смерти» глав-

ная партия отдана, соответственно, безпризорнику Сеньке, которого нерегулярно опекает подозрительный инженер Неймлес (однажды обнаружив в чужом письме подпись «Фандорин»), Сенька истолковывает ее как некое убедительное волшебное слово типа «спасибо»). Акунинский роман данной серии с минимальным участием главного сыщика — это как блокбастер из сериала про Джеймса Бонда, где супергеронт появляется бы лишь время от времени и то на заднем плане, уступив передний дежурным силиконовым красавицам. Непорядок.

Чисто сюжетное объяснение заключается в том, что хронологически действие в «Любовнике смерти» и «Любовнице смерти» происходит параллельно, и Фандорин, стараясь поспеть, мечется меж двумя следственными линиями, как востребованный актер между съемочными площадками. Порой он не успевает поменять грим, что находит свое отражение в тексте. Интерактивный прием откровенно позаимствован у Павича. Но для того, чтобы читать оба романа одновременно (как «Хазарский словарь») не подряд, а, по рекомендации автора, концептуально разбросанными кусками, надо быть либо счастливо свободным от всякой прочей жизненной деятельности человеком, либо совсем болезненным поклонником. Что касается экономно употребляемой фамилии персонажа, то здесь мы имеем дело не с первичными странными признаками творческого бессилия, а опять-таки с элементом литературной игры, согласно которому деликатесы следует подавать на стол в ограниченном количестве. Иначе деликатесы перестанут соответствовать своему определению и приедятся как ежедневная пшенка. Год назад такого рода приемы восхищали критиков; сегодня они вызывают раздражение. Наличие по-

стмодернизма в хорошо слепленном криминальном сюжете начинает утомлять. Лето, жара не располагают к филологическим ребусам, отвлекающим от вечного вопроса, кто кого грохнул.

ВО ВЛАСТИ ДУМ

Самый забавный упрек, однако, выказан Львом Данилкиным. В последнем обзоре прекрасный критик Данилкин превозносит до небес последний роман Юзефовича и столь же энергично топит Акунина. Дескать, Акунин надоел уже Данилкину своими беспрепятственными проповедями и нравочениями, наставлениями, как жить. В принципе, в произведениях Акунина-Чхартишвили можно найти все, что угодно. От аккуратных разборок с собственным издателем до грустной истории прокурора Скурагова, изложенной на фоне реалий позапрошлого столетия. Но проповедей там точно нет. Молодой Борис Гребенщиков сочинял песни, стараясь, чтоб было загадочней, а аудитория взяла да и восприняла их как буквальное философское руководство к действию. БГ со временем ролью национального гуру увлекся, но на Акунина это не похоже, и обличать его как властителя дум, тем более, отчасти обманувшего ожидания, это то же самое, что стрелять в тапера.

Сходства с последним добавляет то, что Чхартишвили, в чем сам не раз признавался, занят в строгом смысле не литературой, а актуальным микшированием творчества самых разных писателей и стилей, не больше, но и не меньше. Это примерно то же самое, что исполнять классические музыкальные вещи в собственной обработке. Насчет того, что Акунин ничему не учит (а каждый серьезный писатель стремится чему-то, да поучить), хорошо сказала мая знакомая девушка: «После его романов не переживаешь и не задумываешься. Просто хочется прочитать следующий роман».